

Людмила Улицкая

Искусство жить

*Часть сборника
Искусство жить (сборник)*

Искусство жить

Людмила Улицкая

Искусство жить

«АСТ»

2003

Улицкая Л. Е.

Искусство жить / Л. Е. Улицкая — «АСТ», 2003 — (Искусство жить)

ISBN 978-5-457-19079-5

«Проклятые эти кабачки не выходили из головы несколько дней. Наконец, купила пять бледных, глянцевитых, ровненьких... Поздно вечером пожарила, а утром наскоро приготовила соус и попросила Гришку завести продукты питания Лиле. Кроме кабачков, образовался салат свекольный и творожная заправка. Зубов у Лильки практически не было. Мозгов тоже было немного. И красоты. Собственно, состояла она из большого жидкого тела и тихой доброты...»

ISBN 978-5-457-19079-5

© Улицкая Л. Е., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

1	5
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Искусство жить

1

Проклятые эти кабачки не выходили из головы несколько дней. Наконец, купила пять бледных, глянцевиных, ровненьких... Поздно вечером пожарила, а утром наскоро приготовила соус и попросила Гришку завести продукты питания Лиле. Кроме кабачков, образовался салат свекольный и творожная заправка. Зубов у Лилки практически не было. Мозгов тоже было немного. И красоты. Собственно, состояла она из большого жидкого тела и тихой доброты... Тихой доброта ее стала после болезни, а пока была Лилка здорова, доброта ее шумела, ахала, восклицала и несколько даже навязчиво предлагала собой воспользоваться. И пользовались все кому ни лень. Смешно: девичья фамилия Лили была Аптекман, а профессия – фармацевт. Провизор по-старому. Тридцать лет просидела она в первом окне, улыбалась всем неразборчиво и старалась всем все дать, достать, разыскать... А потом грохнул инсульт, и уже три года ковляла она по дому, опираясь на хорошую заграничную палку с подлокотником и волоча за собой отстающую левую ногу. И рука левая тоже была теперь скорее для виду – дела не делала...

Лилу Аптекман Женя с детства терпеть не могла. Жили в одном дворе на старой улице, трижды за их жизнь поменявшей название. Родители были знакомы. Говорили даже, что Женин дедушка в возрасте лет восьмидесяти сватался к Лилкиной бабушке, молодой старушке лет шестидесяти пяти. Но Женя в это не очень верила: что мог найти интеллигентный дедушка, достойный врач-отоларинголог, любитель Шуберта и Шумана, читающий на латыни речи Цицерона, в Лилиной бабушке, всегда улыбающейся шелковой тумбочке с усами и напевной речью украинского местечка? Женю в те времена из себя выводила Лилина шумная невоспитанность, обжорство и непомерное любопытство. А Лиле всегда хотелось с Женей дружить – только Женя ее к себе и близко не подпускала.

Разъехались, расстались на долгие годы, и несколько друг о друге не вспоминали. Может, и не вспомнили бы до смерти, если б десять лет тому назад Женя не рыскала по всей Москве в поисках редкого и дефицитного лекарства для умирающей матери, и какая-то дальняя подруга обещала достать нужное лекарство через другую дальнюю подругу, аптекаршу. Но и тогда Женя не догадалась, что аптекарша окажется Лилей Аптекман. Однако неразоблаченная до времени аптекарша сама неожиданно позвонила, уточнила дозировку, кого-то попросила, где-то заказала, сначала что-то срывалось, а недели через две после первого разговора позвонила сама и радостным голосом сообщила, что достала... Жениной матери тогда уже начали вводить какой-то другой, более тяжелый препарат, и было ей совсем плохо – Женя сидела целыми днями в больнице. И незнакомая аптекарша притащилась с лекарством сама – сказала, что ей по пути, живет в двух остановках...

Женя открыла дверь незнакомой толстенной тетке в красивых очках, и та сразу же заголосила:

– Женечка! Ну ведь сразу мне показалось, что голос знакомый! Дорогая ты моя! Так это для тети Тани, выходит дело, винкрестин-то я доставала! О Господи! Женечка! Да ты ни чуточки, ни капли не изменилась! И талия! Талия-то какая! Не узнаешь меня? Неужели я так изменилась? Я Лилия Аптекман из восемнадцатой квартиры...

Женя в ошалелом недоумении смотрела на толстуху с густо накрашенными под очками глазами, пытаясь раскрутить нить сходства с кем-то... с чем-то... Толстуха, все продолжая радостно голосить, стянула с рук непарные варежки, поставила на пол две сумки, а из третьей стала доставать картонные упаковки с лекарствами, разглядывая надпись на каждой...

– Лилия Аптекман! Сколько же лет? – довольно вяло отреагировала Женя.

И все-все вспомнила – толстую девочку, жуящую то пирожок, то ватрушку, и ее старшую сестру-красавицу, и отца, здоровенного краснолицего хозяйственника, которого возила служебная машина, а потом однажды увезла надолго, лет на пять... И даже вспомнила, как вернулся освободившийся Лилькин отец понурым старичком. А потом уж сидел на лавочке с прочими доминошниками и выпивал с ними. И всплыла даже случайная картинка, как Лиля, уже вполне взрослая грудастая девица, ведет своего подвыпившего отца домой и плачет горькими слезами... И больше уж ничего не помнила, потому что Аптекманы куда-то съехали...

– Раздевайся, что же ты в дверях стоишь, Лилечка? – и Женя переставила пузатые сумки с пола на табуретку, и стала стаскивать с Лили мохнатое потертое пальто, тяжелое, как могильная плита. А Лиля все продолжала причитать:

– Зайду, конечно, зайду. У меня как раз свобода необыкновенная – обычно я домой как угорелая несусь, а сейчас каникулы, дочек в зимний лагерь ВТО отправила, а Фридман мой в командировке... Ой, какая радость, Женечка, что я тебя нашла! Сейчас расскажешь мне все-все. Ты же всегда была такая необыкновенная! Ты всегда самая умная была, а я дура-дурой... и обижалась, что ты со мной дружить не хочешь.

А ведь ты была лучшей моей подругой: много-много лет, да все детство, считай, я с тобой перед сном разговаривала. Теперь могу сказать – исповедалась...

Лиля говорила быстро, громко и с выражением – как третьеклассница читает наизусть стишок.

– Есть хочешь? А то чай поставлю? – спросила устало Женя. Час был одиннадцатый, а дел еще было невпроворот.

– Нет, есть не буду... Разве чуточку... А чаю попью, конечно...

И Женя обреченно пошла на кухню, а Лиля за ней, шумно шлепая мужскими домашними тапочками.

– Нет, ты только подумай, надо же такому случиться. Я звонила и в центральную, в кремлевскую, все свои связи задействовала, всем говорю – родственнице нужно. А ведь так и есть – ты мне как родня. Тетю Таню как жалко-то! Знаешь, эта химия, она очень эффективная, только сама по себе больно злая.

Женя кивнула. Она уже знала, что мать умирает сейчас не от рака, а именно от химии, которая сжирала злокачественные клетки, и опухоль вроде как рассасывалась, но жизнь утекала еще быстрее...

– А я все в ваше окно заглядывала: ты сидишь за пианино, играешь, а на пианино два подсвечника стоят. И еще картина висит – пейзаж леса, красивая такая картина, в раме золотой... Я ведь и прадедушку твоего помню, в черной шляпе ходил, полны карманы конфет мятных... В сапожную мастерскую, бывало, идет, полная сетка старой обуви, остановится посреди двора, и конфеты детям раздает...

Женю как прожгло: эти воспоминания принадлежали только ей, никто на свете, кроме мамы, которая почти совсем ушла, не мог помнить этот снимок летнего дня, где в центре двора, высвеченный прожекторами памяти, стоял прадед, родившийся в восемьсот шестьдесят первом, в год отмены крепостного права, и умерший в девятьсот пятьдесят шестом... в черной шляпе, с белой стриженной бородой, из-под которой виднелся толстый узел полосатого серо-голубого галстука... И авоська со старой обувью, и конфеты в карманах – все было правдой, но правдой личной, Жениной. Но вот, оказывается, есть на свете еще один человек, который может подтвердить и засвидетельствовать, что та жизнь, раздавленная хамским асфальтом Нового Арбата, не ей одной приснилась...

– Лилечка, неужели помнишь?

– Конечно, все помню до последней копейки... И домработницу вашу Настю, и кошку Мурку, и диванчик с пледом в столовой... и бабушка ваша – какая дама была, Ада Максимилиановна, в костюме ходила в клеточку «куриная лапка»... иностранка настоящая...

Лиля зашмыгала носом.

– Полячка, – прошептала Женя, – да, и костюм в клеточку...

Тут Лиля сняла очки, достала темный мужской платок и стала промокать потекшую тушь. Делала она это ловко, умело, пальчиками подправляла слипшиеся ресницы. Потом достала косметичку, вытащила из нее маленькую картонную коробочку с отечественной грубой тушью, жирный карандаш для глаз и круглое сумочное зеркальце и, закусив губу, начала подмалевывать расплывшуюся красоту... Закончила, уложила свое дамское бедное хозяйство на место, сунула в сумку и, сложив перед собой смирно, по-школьному, небольшие для общего ее размера руки, начала повествование...

– Я очень счастливая, Жень. Муж хороший, дочка красавицы.

Форма высказывания никак не соответствовала содержанию – уж больно грустной была интонация. Лиля вздохнула и добавила:

– Более всего я была счастлива как мать моего старшего сына. Он умер, когда ему было десять лет.

Тут Женю прожгло во второй раз.

– Он был... Ангел он был. Таких людей не бывает. Пришла я с работы, а он лежит на диване – мертвый. Аневризма у него была, а никто и не знал, – пояснила Лиля, – Здоровый мальчик, хоть бы что, и не болел никогда, а вот так – пришел из школы – и умер. Я бы повесилась, если б не девочки. Им тогда полтора года всего было...

Смутное подозрение мелькнуло у Жени – однажды она уже слышала историю об умерших детях...

– А с ними... все в порядке?

– Слава Богу! Я же говорю тебе, красотки уродилась.

Она надела очки, взглянула на Женю крепко накрашенным глазом, снова порылась в сумочке и предъявила фотографии из фотоателье: две сладкие юные пупочки с расчесанными гривками, с капризными губками, сидели, манерно вытянув навстречу друг дружке безупречные шеи...

– Но я о другом хочу тебе рассказать, Женечка. Я выжила с Божьей помощью.

А Сереженька привел меня к Господу. Через полгода после его смерти я крестилась. Родня моя – папы уж не было, – но мама, тетушки все, сестры, разговаривать со мной перестали. Но потом все наладилось. И стало мне хорошо. То есть плохо-то плохо, но Сережа через Господа нашего со мной остался, и я присутствие его очень чувствую. И знаю, что, как всем нам, христианам, обещано, что не в этой жизни, в другой, он встретит меня в ангельском облиии... Только вот с чем не могла справиться – все плакала. Обед варю, или в окне сижу, с людьми разговариваю, или просто в троллейбусе, и даже не замечаю, что слезы текут. Люди-то замечают. Я подумала, подумала, и стала глаза красить. Тушь-то щипучая, как слезы течь начинают, я сразу спохватываюсь. Двенадцать лет прошло, а все текут-то слезы... Я уж привыкла краситься, как утром встаю, первым делом...

И опять пробило Женю, и в носу защипало.

Теплые глаза Лилины были накрашены как у площадной бляди, а лицо такое светлое, как будто она и сама уже находилась в ангельском облиии, полагающемуся ее умершему Сереже...

Лиля говорила, говорила, а когда посмотрели на часы – без малого час ночи.

– Ой, какая же я болтливая! – сокрушилась Лиля, – Совсем тебя заговорила! Но ведь как хорошо поговорили, Женечка. Троллейбус уже наверное и не ходит.

Женя предложила остаться. Лиля легко согласилась. Доела, вкусно жуя и подсасывая воздух, остатки творожной запеканки. Выпила еще чаю. А в два часа, когда Женя постелила ей на кушетке в проходной комнате, Лиля, уже снимая с себя толстую кофту цвета пожарной машины, сказала Жене:

– Женечка, а тетя Таня крещеная?

– Бабушка с дедушкой были лютеране. А мама – не знаю.

– Как это? – изумилась Лиля.

– Старики наши поженились до революции, и оба приняли лютеранство. Дед происходил из еврейской семьи, бабушка католичка, и иначе они не могли бы пожениться... А мама моя неверующая. Я даже не знаю, крещеная ли. Если крещена, то лютеранка...

– Да что ты? – изумилась Лиля. – Надо же, лютеранка... Но это все равно, ведь лютеране тоже христиане. Давай я к тете Тане священника приведу.

Женя смотрела на волнистый сугроб Лилиного тела, уютно расположившегося под одеялом, на отмытое от краски немолодое лицо в морщинках и родинках – половина ее благодарной улыбки утонула в промявшейся подушке.

Какая же она хорошая женщина, – подумала Женя.

Лиля приподнялась с подушки, взяла Женю за руку:

– А священника привести надо, Женечка. Обязательно надо. Потом себе не простишь...

Да, да, очень хорошая, – думала Женя, – И в детстве была хорошая, только совсем уж бессмысленная. А теперь ее глупая энергия нашла свое русло. Странно, что христианское...

Татьяна Эдуардовна умерла в ту же ночь, так что ни лекарство, ни священник не понадобились.

Лиля на похоронах горько плакала, промокая текущую с ресниц тушь. Горевала, что опоздала, не привела к Татьяне Эдуардовне священника, да и сама не простилась. А Женя плакать не могла. Держала свою холодную руку на еще более холодном материнском лбу и составляла в уме длиннейший список того, чего в своей жизни она для матери не сделала... Она была большой мастер составления списков дел...

Лиля прилепилась к Жениному дому. Женя не выбирала ее в подруги: Лиля по своему человеческому назначению была родственницей. Всем родственницей. И Женя сдавалась. Раздражалась, отбиваясь от Лилиных духовных и медицинских забот, от неустанной домодельной пропаганды спасительного христианства, временами рывкала, но не могла не умиляться неумолимой Лилиной готовности всем помочь, и немедленно. Она все глубже вникала в странную Лилину жизнь: та была человеком служения – опекала, облизывала и нянчила не только своего надутого неумного мужа и капризных вертлявых дочек. Так же беззаветно она служила своим подругам, друзьям и просто покупателям, совавшим свои рецепты в ее первое окно, сумками таскала лекарства знакомым и незнакомым и заливалась глубокой краской обиды и негодования, когда благодетельствованные ею люди совали ей коробки с шоколадом или духи... Жила, едва сводя концы с концами, замотанная, избеганная, со жгучей тушью на глазах, растворяющейся от самовольных слез... И бегала так годы и годы: что-то кому-то везла, навещала каких-то старушек, вечно всюду опаздывала – даже на свои воскресные церковные службы, куда все зазывала стойкую Женю...

А потом ее сбил инсульт. И сразу все посыпалось: уехав в командировку, забыл вернуться муж, засмотревшись на какую-то молодуху... девчонки, сраженные этими событиями, никак не могли взять в толк, за что жизнь подложила им такую свинью. Мама теперь не выжимала им по утрам свежих соков, не стирала, не гладила, не приносила в дом продуктов, не готовила еды, и вообще ничего не делала, а, напротив, от них ожидала всего того, к чему были они не приучены. Они увивались от необходимости делать всю эту презренную работу, сваливали ее друг на друга и постоянно ссорились.

Лиля долго восстанавливалась. Она вела героическую жизнь – часами мяла и дергала парализованную левую, делала какие-то нелепые китайские упражнения, до изнеможения терла вялое тело волосистой щеткой, катала шарики руками и ногами, и как-то постепенно она встала, заново научилась ходить, одеваться, кое-как управляясь одной рукой.

Женя, прежде избегавшая Лилиного дома, теперь часто заходила к ней – то приносила какое-нибудь простое угощение, то подбрасывала денег. К удивлению своему, Женя обнаружила, что множество людей, по большей части из церковного окружения, постоянно приходят к Лиле, сидят с ней, выводят погулять, помогают по хозяйству... На дочек рассчитывать особенно не приходилось – они страстно предавались молодой жизни, в которой было множество разных предложений, как в газете «Из рук в руки». Иногда, по вдохновению, они совершали хозяйственный подвиг: убирали квартиру или варили обед, и каждый раз ожидали не то похвалы, не то ордена... Лили всякий раз благодарила, тихо радовалась и сообщала Жене:

– Ирочка сварила постный борщ! Такой вкусный!

– Да что ты говоришь? Неужели сварила? – свирепела Женя.

А Лили кротко улыбалась и оправдывалась:

– Женечка, не сердись, я ведь сама во всем виновата. После Сережиной смерти я же была как безумная. И баловала их безумно... Что теперь с них спрашивать?

Лили говорила теперь негромким голосом, медленно. Прежняя ее энергия уходила теперь целиком на то, чтобы дошаркать до уборной, натянуть одной рукой штаны, кое-как умыться, почистить зубы. Выдавить из тюбика пасту на щетку одной рукой тоже надо было приспособиться. Женя едва не плакала от сострадания, а та, улыбаясь кривоватой улыбкой, объясняла:

– Я слишком много бегала, Женечка. Вот Господь и велел мне посидеть и подумать о своем поведении. Я и думаю теперь.

И была она тихая-претихая, и старая, и седая, и глаз она больше не красила – утратила мастерство, – и слезы иногда подтекали из поблекших глаз, но это не имело никакого значения... Женя, уходя, бросала на себя взгляд в зеркало – она была еще хоть куда, больше сорока пяти не давали, – и бежала вниз по лестнице, некогда было ждать лифта, дел было невпроворот – длинный список.

2

Книжка была не записная, а деловая – черная, без всякой игривости, и формата достаточно большого, немного до А4 не дотягивала. Кто этого не понимает, тому и объяснять не стоит. Столбцов в книжке было три – под литерой «И» – издательские, «Д» – домашние и «ПР» – прочие.

С первым столбцом все обстояло относительно благополучно – Женя полгода как обзавелась помощником Сережей, молодой парень, моложе Гришки. Здорово много ему платила, но, как оказалось, не зря: постепенно он принял на себя все типографские дела и частично дистрибьюторские. Продохнула...

По части «Д» обстояло хуже: старая машина барахлила всю последнюю неделю и ясно было, что пора ее либо отправить к механику, либо вовсе продать... Окончательно сломалась стиральная машина, надо было вызвать мастера и потерять целый день. А, может, проще купить новую, а эту отправить на помойку. В списке было еще несколько трудных пунктов. Женя подумала, подумала и решила, что пора настала сделать то, без чего ей удавалось прожить всю жизнь: нанять домработницу. И она вписала во второй столбец еще один пункт – «ДР». Тогда, если большую часть дел «Д» перекинуть на «ДР», можно было бы выполнить 18 пунктов раздела «ПР». Там, в «ПР» записаны были застарелые и не вполне обязательные дела: что кому она обещала и не сделала, или собиралась сделать, но не успела, или не обещала, но считала своим долгом... Заброшены были две престарелые тетушки, и отцу старого друга, девяностолетнему оперному певцу собиралась отвезти столик, и травы лежали для тетушки Марии Николаевны уже неделю, и годовщина маминой смерти, надо на кладбище заехать, и разыскать диковинного врача вертебро-невролога для Кати, и купить подарок для внучки Сонечки, и послать, чтобы дошел в срок, ко дню рождения, и Сашка просил... а Гришке надо... и выбрать день, целый день с утра до вечера, чтобы съездить с Кириллом на дачу, потому что муж по мере старения становился все обидчивее, и давно уже собирался обидеться, что она не едет с ним на дачу, и ему приходится тащиться на электричке, а потом с рюкзаком яблок возвращаться по темноте в город...

Женя подумала, покусала колпачок шариковой ручки и набрала номер подруги Аллы, которая давно убеждала ее, чтоб она наняла в домработницы одну из тех кавказских беженок, с которыми Алла работала...

Алла обрадовалась и пообещала прислать хоть завтра и хоть десять...

И тут же начала рассказывать о бакинской горемыке, которая уже десять лет скитается по России и не может найти себе места, потому что сама армянка, а муж ее покойный был азербайджанец, и фамилия у нее Гусейнова, и теперь армяне не оказывают ей никакого содействия за фамилию, а азербайджанцы – за национальность... Но Женя давно уже знала, что благотворительностью занимаются исключительно странные люди, а нестранные работают в нормальных организациях, и потому перетерпела длинный рассказ об одной, и еще о другой, и о третьей...

В конце двадцатиминутного разговора, – прижимая трубку к уху, Женя как раз закончила мытье вечерней посуды, – Алла обещала прислать чудесную чеченскую женщину, которая будет и убираться, и продукты купит, а уж приготовит так, как Жене и не снилось... Звучало заманчиво. Только положила трубку, как раздался звонок. Женя мельком взглянула на часы – без четверти двенадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.